

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

С.А. Дубровская

«ОБМАНЧИВАЯ ЯСНОСТЬ» СМЫСЛОВ А.С. ПУШКИНА

DOI 10.17223/19986645/28/16

Рецензия на книгу: Гуревич А.М. Сокровенные смыслы: Статьи о Пушкине (1984–2011). – М.: Совпадение, 2011. – 208 с.

В книге рассматриваются произведения Пушкина 1825–1834 гг. – из числа наиболее важных, значительных, а в то же время чрезвычайно сложных для истолкования и понимания; не случайно за многими из них утвердилась репутация загадочных. Вниманию читателей предлагаются наблюдения над текстами «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Полтавы», «Медного всадника», «Пиковой дамы», «Сказки о золотом петушке». В результате тщательного анализа выявляются потаенные, скрытые смыслы этих произведений, придающие им острозлободневный, «взрывчатый» характер, подтексты, ускользающие обычно от внимания читателей, исследователей, критиков.

Адресованная специалистам, книга в то же время будет интересна преподавателям вузов, студентам, школьным учителям, широкому кругу любителей и ценителей русской литературы.

Творческое наследие А.С. Пушкина на протяжении десятилетий остается в центре внимания отечественного литературоведения. Классика пушкинистики насчитывает сотни работ, и может показаться, что сказать нечто новое о величайшем русском поэте практически невозможно. Рецензируемая книга известного российского литературоведа-пушкиниста А.М. Гуревича – убедительное свидетельство того, что потенциал несказанного и неисследованного в творчестве Пушкина еще достаточно велик.

Собрав свои статьи о Пушкине, публиковавшиеся с 1984 по 2011 г., А.М. Гуревич предложил стройную, логически выверенную концепцию понимания «сокровенных смыслов» пушкинского творчества. Несомненное достоинство книги видится нам в том, что опубликованные в разное время статьи автора, оказавшись под одной обложкой, превратились в единое целое. Благодаря этому сам исследователь выходит на принципиально новый уровень понимания и интерпретации поставленных проблем. Нельзя не согласиться с автором в том, что трудности постижения творчества Пушкина связаны не только с уникальностью гения, но во многом и с тем, что «читатели, критики, даже исследователи,

вольно или невольно игнорируют глубоко запрятанные подтексты, скрытые, потаенные смыслы пушкинских творений» (с. 7)

Свою задачу Гуревич видит в том, чтобы показать ценность и важность неявного, трудно уловимого как для «понимания отдельных произведений поэта, так и его творчества в целом» (с. 7). Исследовательский сюжет книги охватывает несколько проблемных полей (мифология пушкинистики, политические, историософские взгляды Пушкина и их отражение в произведениях 1825–1834 гг., современные отечественные исследования о Пушкине). Сам выбор произведений для анализа и определенный ракурс прочтения формируют научный сюжет. Сфера интересов автора – сфера идей. Гуревич генерирует материал в духе актуальных для Пушкина жизненных проблем. Философия человека рассмотрена в социальном и политическом контекстах эпохи.

Основная особенность пушкинских текстов заключается, по убеждению исследователя, в двойственности, балансировании на границах реального и вымышленного, реального и фантастического, исторического и злободневного, текста и подтекста. Совмещение столь различных планов пушкинского творчества становится возможным только при погружении образов в исторические реалии эпохи, литературные контексты, соотнесении конкретных художественных идей с общими творческими стратегиями автора и во многом благодаря проекциям на личную судьбу поэта.

Углубляет перспективу образов примечательная особенность исследовательской манеры Гуревича – проблемные вопросы, которыми задается литературовед, призывая попытаться ответить на них и своего читателя: «Кто же истинный герой «Бориса Годунова»?», «Зачем же все-таки понадобилось Пушкину столь странное, парадоксальное соединение в облике Евгения нищеты и знатности?» и т.п. Кроме того, звучат в книге и вопросы неожиданные, особенно актуализирующие потаенные смыслы пушкинского текста (например, «Почему главным антагонистом царя в пушкинской сказке оказывается скопец?»).

В программной для авторского замысла первой главе книги обозначена проблема «драмы непонимания» поэта, причины которой – в «мифологизме» истолкований. А миф, по очень точному наблюдению Гуревича, «основан на принципе синекдохи (часть вместо целого), он абсолютизирует одну грань, одну сторону явления (в нашем случае – творчества писателя) за счет других» (с. 20–21). В этой же главе звучит принципиальное утверждение ученого: Пушкина «привлекала государственность допетровской Руси, в судьбах которой важнейшую роль играло старинное дворянство. К потомкам этих древних родов Пушкин относил самого себя и своих друзей-декабристов. Именно ситуация вольного дружественного союза монарха и древней аристократии отвечала политическим идеалам Пушкина. Именно по этому пути надеялся он направить и развитие современной ему России (с. 23). Тезис аргументируется последующим исследованием конкретных художественных произведений поэта.

А.М. Гуревич мастерски владеет искусством медленного чтения, позволяющим ему выявлять взаимопроникновение смыслов, считывать сокровенное, проясняя пушкинскую позицию. Так, политическое мировоззрение главного героя проявится, если обратить внимание на чтение Онегиным Ада-

ма Смита, популярного «в кругу русских вольнодумцев», на проведенную параллель Онегин – Чаадаев, на маршрут путешествия Онегина (как отмечает Гуревич, по «горячим точкам» русской истории, по ее героическим страницам» (с. 34). Все это, по мнению литературоведа, «ясно свидетельствует о том, что главный герой – словно бы наперекор усилиям автора – предстает в романе как личность незаурядная и крупномасштабная, как человек декабристского круга, а сам роман – как произведение острозлободневное, политически окрашенное» (с. 34). Называя определяющей чертой романа «Евгений Онегин» «поэтику подраزمеваний», Гуревич прослеживает искусную и сложную игру, которую ведет с читателем автор. С этим связана и другая важнейшая проблема – проблема понимающего читателя, открытого сотворчеству и соучастию. Эта проблема будет постоянно актуализироваться исследователем, подчеркивающим неслучайность «случайных деталей». Так, например, в тексте «Полтавы» А.М. Гуревич выделяет «сигналы, настраивающие читателя на восприятие ее внутреннего, скрытого плана» (сюжет «Войнаровского», полемика с Рылеевым, посвящение, вызвавшее ассоциации с личностью Марии Волконской, расстановка акцентов в изображении Мазепы).

В произведениях на тему русской истории («Борис Годунов», «Полтава») исследователь на первый план выдвигает проблему власти, что выводит его к обозначению «злободневного политического подтекста» творений (с. 48). Острейший политический смысл историко-художественной концепции «Бориса Годунова» литературовед связывает с пушкинским осмыслением своей судьбы в контексте исторических судеб виднейших представителей русской потомственной аристократии, а также с воплощением «социально-психологического комплекса «нового дворянства» в характере Бориса и Басманова, людей, «снедаемых непомерным честолюбием, любой ценой и любыми средствами стремящихся к возвышению, власти» (с. 67).

Очевиден для исследователя «животрепещуще-злободневный» смысл и другого исторического произведения 1820-х гг. – поэмы «Полтава». «Вглядываясь в текст «Полтавы», – пишет Гуревич, – нельзя не заметить, что конфликт Мазепы и Кочубея, пусть неявно, но все же вполне определенно спроецирован на современность, что с ним связана важнейшая внутренняя тема поэмы, ее сокровенная суть, определившая злободневно-публицистический смысл этого исторического произведения» (с. 83). Необычность «Полтавы» ученый видит в том, что в поэме «представлено сразу два бунта: бунт Мазепы против Петра и как бы вмонтированный в него бунт Кочубея против Мазепы». При этом, как подчеркивает литературовед, «если первый из них автором безусловно осужден, то второй – в полном соответствии с политическими взглядами Пушкина – изображен весьма сочувственно» (с. 85).

Созданные в одно время, «Медный всадник» и «Пиковая дама», по наблюдениям Гуревича, дают «новое измерение» теме противостояния родового дворянства и дворянства нового. В «Поэме без героев» (как называет Гуревич главу о «Медном всаднике») Пушкин рисует символическое представление дальнейшей судьбы родовитого русского дворянства, чему способствует, по мнению Гуревича, «полная обезличенность Евгения»: «Это действительно не лицо, не характер, не индивидуальность, но своего рода знак –

символ того незавидного будущего, которое ожидает независимых потомков древних боярских родов, если курс на их отстранение от власти, на замену их дворянством новым, т.е. не наследственным, а выслуженным и потому полностью зависимым от правительства и царя, будет продолжен». «Именно поэтому, – подчеркивает литературовед, – Пушкин и наделяет Евгения чертами не индивидуальными, а типологическими, родовыми, свойственными, как он полагал, потомкам дряхлеющих родов вообще» (с. 107).

Германн же в «Пиковой даме» – олицетворение родовых свойств новой знати, «все больше набиравшей силу и оттеснявшей на второй план старинную русскую аристократию» (с. 152). Продолжая мысль А.М. Гуревича о рождении новой знати, можно предположить и неслучайность «немецкой крови» нового дворянина.

«Кульминационной точкой в затянувшемся противостоянии поэта и царя» (с. 176) исследователь называет «Сказку о золотом петушке»: «Нам же важно подчеркнуть, что осклопленность мудреца-звездоточета имеет в «Сказке» не сексуально-эротический, а скрытый политический смысл» (с. 169). Размышляя над парадоксальной ситуацией (главный антагонист царя – скопец), Гуревич не только выделяет литературно-полемические мотивы выбора мудреца-скопца (поэма-сказка Катенина «Старая быль»), но, актуализируя историко-политический контекст, подчеркивает: «...царю противостоит здесь опальный изгнанник, пострадавший за свои убеждения и действия и потому заведомо враждебный власти. А значит, и его возмездие своему антагонисту есть деяние намеренное и целенаправленное» (с. 171).

Композиция книги (главы расположены в порядке хронологии создания произведений – от «Евгения Онегина» к «Сказке о золотом петушке») обозначает логику внутреннего сюжета, основанного на убеждении ученого в том, что «вечное и общечеловеческое неотделимо у Пушкина от сиюминутного и злободневного» (с. 192).

Главным объектом критики автора становится сомнительная традиция современной пушкинистики – мифологизация Пушкина, основанная на подборе «удобных» фактов, иногда на недопонимании, поверхностном прочтении. А.М. Гуревич приводит достаточно наглядных примеров внутренне противоречивых изложений пушкинистов, предвзятости позиции, а порой искажения или ложных оснований. Вынесенный в приложение обзор «Особенности отечественной пушкинистики в юбилейный период (Полемические заметки)» становится своего рода итогом размышлений ученого над обозначенными в книге проблемами. Говоря о возрождении мифа (Пушкин – «смирный христианин и верноподданный, всей душой преданный царю» (с. 181), А.М. Гуревич, не затрагивая вопросы национально-религиозные, анализирует юбилейную (к 200-летию со дня рождения) пушкинистику в свете исторических и политических воззрений поэта. Специального внимания заслуживают размышления исследователя над историческими фактами последней дуэли Пушкина.

Книга вышла в серии изданий, приуроченных к 175-летию со дня гибели А.С. Пушкина. Нельзя не обратить внимание на оформление книги. В дизайне обложки использованы пушкинские автоиллюстрации. Первая страница – имитация приоткрывающегося фрагмента титульного листа «Сказки о золо-

том петушке» – подводит читателя к основной задаче автора книги: выявлению ускользающих подтекстов. Последняя страница – «Медный всадник» без Петра – символически обозначает одну из основных идей, развитых А.М. Гуревичем: отражение политических идеалов Пушкина в произведениях 1825–1834 гг.

Нет никаких сомнений в том, что рецензируемая книга приблизит исследователей к дальнейшему проникновению в сокровенные смыслы творчества А.С. Пушкина.

"DECEPTIVE CLARITY" OF MEANINGS BY A.S. PUSHKIN. A BOOK REVIEW: GUREVICH A.M. *SOKROVENNYE SMYSLY. STAT'I O PUSHKINE (1984-2011)* [HIDDEN MEANINGS. ARTICLES ON PUSHKIN (1984–2011)].

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 180–184. DOI 10.17223/19986645/28/16
Dubrovskaya Svetlana A., Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: S.Dubrovskaya@bk.ru